

Шэнь Цинжань так и не смог нормально уснуть прошлой ночью, поэтому сейчас его так и клонило в сон, а зевки следовали один за другим.

Подложив под голову дорожный узелок, он медленно закрыл глаза и погрузился в царство грёз, унося с собой под убаюкивающее тепло костра образ красивого и безмолвного профиля Сюэ Фэйфэна.

Искры костра постепенно угасли, и небо озарилось ярким дневным светом.

Шэнь Цинжань с растрёпанными, взъерошенными волосами уныло плёлся следом за Сюэ Фэйфэном.

Сюэ Фэйфэн разозлился.

Парень это отчётливо понимал: с того самого момента в пещере, когда он наотрез отказался от обработки раны, между ними не было произнесено ни единого слова.

Шедший впереди мужчина шагал невероятно быстро — так стремительно, словно семейство Шэнь, внезапно и без предупреждения собравшееся переезжать. Пока Шэнь Цинжань возился с ослиной телегой, Сюэ Фэйфэн успел уйти вперёд добрых на сто метров. И этот человек ещё смел называть себя калекой!

Сюэ Фэйфэн больше не позволял ему писать знаки на ладони и демонстративно отказывался понимать чтение по губам. Шэнь Цинжань растерянно почесал затылок, с горечью осознав, что лишился абсолютно всех доступных способов общения с мужем.

Извилистая, петляющая горная тропа, уходящая в бесконечную густую зелень, внезапно показалась ему окутанной глухим, отрезанным от всего мира одиночеством долгой полярной ночи. Небосвод сиял чистотой, в ветвях звонко и сладостно заливались иволги, но Шэнь Цинжань замер на месте, чувствуя себя неприкаянным диким призраком — ни мужчиной, ни женщиной, — которому намертво пережали горло и зажали рот, не давая издать ни звука.

Среди этого оглушительного безмолвия природы, посреди глубоких раздумий, внезапная острая мысль намертво сдавила его сердце, и от этой резкой боли в голове, напротив, прояснилось.

Если отбросить эгоистичное желание жить на всём готовом, ради чего он вообще возвращается вместе с Сюэ Фэйфэном?

Думать так было, конечно, не совсем совестно, но если переформулировать: представляет ли он, Шэнь Цинжань, хоть какую-то ценность для Сюэ Фэйфэна? Не станет ли жизнь мужчины гораздо лучше и спокойнее без него?

Станет. Безусловно.

Шэнь Цинжаню всем сердцем хотелось найти для себя иной, утешительный ответ, но он попросту не мог его отыскать.

Изначально его главным оправданием было то, что он не может самостоятельно выбраться из этих диких гор, но теперь-то он с этой задачей справился. Позже он тешил себя мыслью, что нужно дожидаться появления главной героини романа, но когда именно она соизволит явиться? И даже если она придёт, гарантирует ли это, что ему удастся благополучно пристроиться под её крылышко?

Пути судьбы неисповедимы, и если богатая и влиятельная героиня в конечном итоге побрезгует им — абсолютно бесполезным в древние времена наследником богатой семьи, — неужели он так и будет всю жизнь сидеть на шее у Сюэ Фэйфэна?

И используя это нелепое женское платье, будет стоять на его пути, мешая ему нормально жениться и обзавестись собственными детьми?

Рано или поздно его всё равно бросят.

Госпожа Шэнь поступила крайне бесчестно, попросту спихнув сына на содержание Сюэ Фэйфэну. Но сам он был ещё отвратительнее — зная правду, плыл по течению и потворствовал этому безобразию.

Раньше Шэнь Цинжань терпеть не мог госпожу Цай, но та, по крайней мере, полжизни положила на то, чтобы поднять на ноги детей, и если не считать её вечного злого языка, которым она пыталась хоть как-то скрасить унылые будни, он сам был во много крат хуже неё.

«Чистый ветер колышет кроны сосен, непреклонная гордость высится над миром».

Шэнь Цинжань поспешно смахнул набежавшую слезу. Он подумал о том, что когда он родился, дедушка наверняка возлагал на него великие надежды, и в этот список уж точно не входил пункт «быть ленивым трутнем».

Осенний ветер подхватил из-под его ног сухую пожелтевшую листву и за несколько мгновений, закружив в высоком небе, опустил её прямо на плечо идущего впереди Сюэ Фэйфэна.

Мужчина резко замер. Позади него не доносилось ни единого звука, кроме яростных порывов горного ветра. Он помедлил мгновение и обернулся: у самого входа в пещеру сиротливо высился тот самый худощавый, но упрямый силуэт.

В груди у генерала тревожно и беспокойно забилось сердце. Ветер со свистом дул прямо в его сторону, но казалось, будто этот самый поток уносит Шэнь Цинжаня от него всё дальше и дальше.

Сюэ Фэйфэн ждал, пока Шэнь Цинжань медленно догонит его, но глухая тяжесть и обида в груди от этого ничуть не утихли.

Он всегда судил по поступкам, а не по личностям. Сюэ Фэйфэн до глубины души презирал скрытность и обман. Те люди, что в прошлом приближались к нему с корыстными намерениями, годами и десятилетиями носили маски невиданной доброты и кротости, разыгрывая перед ним спектакль, а затем безжалостно наносили удар в спину. Из-за их предательства подземное царство едва не пополнилось сотней тысяч невинных душ его воинов, а боевые знамёна омылись горькими слезами невыносимой боли.

Генерал, прошедший сотни сражений и неизменно выходявший победителем, и то не смел бахвалиться тем, что никогда в жизни не отдавал ошибочных приказов. Что уж говорить о деревенском юноше или девушке?

Но генерал также умел держать ответ за свои поступки и без сожалений сложил с себя полномочия, вернувшись к мирной жизни.

Сюэ Фэйфэн вполне мог простить Шэнь Цинжаню то, что тот в своё время поддался искушению, но тот не имел права скрывать это от него. Ни один человек в мире не способен

предугадать, до каких крайностей может дойти лжец, пытающийся замаскировать свой первоначальный обман.

Больше всего его злила эта дикая, напоминающая испуганную птицу настороженность Шэнь Цинжана.

Впрочем, сам он тоже не отличался абсолютной честностью. Они стояли друг друга — два сапога пара. Так не проще ли прикинуться слепцом? В конце концов, перед ним был не кто-то иной, а именно Шэнь Цинжань.

Шэнь Цинжань шёл, неторопливо ведя осла под уздцы, и по его безмятежной походке невозможно было угадать, какие бури бушуют в его душе. Когда он поравнялся с Сюэ Фэйфэном, его широко распахнутые чёрно-белые глаза сияли такой первозданной чистотой, что в этом предрассветном горном лесу они казались прекрасными и манящими, точно утренняя звезда на восточном небосклоне.

— Прости... Я так торопился в дорогу, что совсем позабыл о тебе. Мы отсутствовали целых два дня, а дома нашу гусыню совершенно некому было покормить... — Сюэ Фэйфэн выдавил из себя довольно нелепую отговорку.

Шэнь Цинжань послушно кивнул, и на его губах заиграла ослепительная, лучезарная улыбка: «Ничего страшного, давай просто пойдём чуточку быстрее».

Ни один из них больше не заикнулся о том, чтобы сесть в ослиную повозку, словно между ними пролегла невидимая стена отчуждения, не позволяющая ехать в одной телеге.

Когда они наконец добрались до окраины Лицзяцунь, крестьяне, трудившиеся на полях, провожали их крайне удивлёнными взглядами. Надо же, как эти двое бездумно разбрасываются деньгами! Спрашивается, зачем им сдалась целая ослиная телега, ради чего было тратить такие средства?

Разумеется, деревенские жители тут же единодушно списали всё на изнеженность и капризность Шэнь Цинжана — мол, баба ходить разучилась, вот и заставила Фэн-цзы раскошелиться на покупку повозки.

После того как Чан Бай до полусмерти избил и разогнал местную банду бездельников, к их уединённой мазанке у подножия горы больше никто не осмеливался приближаться. Хлипкий забор вокруг двора скособочился и от первого же порыва ветра жалобно завалился прямо на землю.

Да уж, плотник из Шэнь Цинжана получился, мягко говоря, никудышный.

Пройдя дальше во двор, они увидели, что и входная дверь сорвана с петель. Сюэ Фэйфэн вспомнил доклад Чан Бая о погроме, устроенном местными хулиганами, и в его душе мгновенно вспыхнуло острое чувство раскаяния от того, что он не настоял и не забрал Шэнь Цинжана с собой в город.

Неужели «супруга» решилась на этот изнурительный поход через горы лишь потому, что больше не могла терпеть бесконечные издевательства и страх?

Генерал мысленно ругал себя за недалёковидность, и его сердце ещё сильнее заныло при мысли о ране на животе Шэнь Цинжань. Увы, эта тема превратилась для них в настоящее минное поле: «супруга» ни под каким предлогом не подпускала его к себе, из-за чего их

отношения окончательно зашли в тупик.

— Цинжань, ты... — негромко окликнул его Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань в этот момент виновато и боязливо озирался по сторонам, разглядывая разгромленный двор. Услышав голос, он обернулся и заискивающе, с явным желанием угодить, уставился на мужа.

Всё это казалось смутно знакомым — в точности как в тот день, когда Сюэ Фэйфэн впервые переступил порог этого дома.

Генерал хотел было добавить что-то ещё, но осёкся. Он отчётливо уловил, что во взгляде Шэнь Цинжана появилось нечто новое — глубокое, тяжёлое чувство, которое тот невольно выдавал мимолётными знаками.

Парень, не дожидаясь продолжения разговора, самостоятельно отцепил повозку от ослиной спины и повёл животное на задний двор, дабы привязать к колышку. Сюэ Фэйфэн только открыл рот, чтобы сказать: «Оставь, я сам», но Шэнь Цинжань уже скрылся за углом дома.

После долгой и изнурительной дороги время было явно неподходящим для серьёзных объяснений. Сюэ Фэйфэн зашёл в комнату, аккуратно сложил вещи, после чего послушно набрал риса и отправился на кухню готовить обед.

Для начала нужно было хорошенько накормить Шэнь Цинжана.

Тем временем на заднем дворе парень легонько похлопал ослика по крупу и едва слышным шёпотом принялся наставлять животное:

— Ну вот мы и дома. Запомни хорошенько: если в следующий раз Ли Фэну понадобится куда-то поехать, ты уж прояви инициативу, вези его сам и не заставляй его бить ноги. Понял меня?

Маленький чёрный ослик никак не отреагировал на его пламенную речь, продолжая с аппетитом хрустеть сочным корнеплодом.

— Глупая скотина, — вздохнул Шэнь Цинжань.

В его воображении соткалась яркая картина: в следующий раз, когда Сюэ Фэйфэн решит сыграть настоящую свадьбу, этому чёрному ослу непременно повяжут на голову и хвост нарядные красные ленты, и он, забавно мотая головой, повезёт во двор сундуки со свадебными дарами и приданым для новой невесты.

От этих мыслей на душе у него почему-то стало невыносимо тоскливо.

Шэнь Цинжань горько усмехнулся про себя, придя к выводу: неважно, насколько незаслуженно или фальшиво ты занимаешь чужое место, но если ты пробыл на нём достаточно долго, освобождать его для кого-то другого всегда чертовски больно.

В конце концов, в своей будущей жизни ему уже вряд ли суждено встретить второго такого человека, как Сюэ Фэйфэн.

Ради его удобства по всему дому были заботливо развешаны листы бумаги и письменные принадлежности — и задний двор не стал исключением. Шэнь Цинжань снял со стены чистый лист, занёс кисть, но на мгновение замер, решительно не понимая, что именно ему следует

написать.

На самом деле, ещё там, у входа в пещеру, ему безумно хотелось развернуться и уйти на все четыре стороны. Но видя, с какой непреклонной решимостью Сюэ Фэйфэн шагал вперёд, даже не оборачиваясь, парень испугался, что если он сбежит прямо посреди леса, купленная с таким трудом ослиная повозка попросту останется брошенной на полпути, а это было бы верхом расточительства.

Шэнь Цинжань вытянул уставшие ноги, уселся прямо на охапку заготовленных дров и, задумчиво покусывая кончик бамбуковой кисти добрых четверть часа, решил проявить максимальную твёрдость. Он размашисто вывел на бумаге: «Я уйду. Мир за пределами этих гор оказался весьма недурственным. Когда в следующий раз решишь жениться, не забудь подыскать себе девушку с более благонравным и достойным характером».

Парень искренне переживал: Сюэ Фэйфэн ведь такой мягкосердечный и доверчивый мужчина, стоит какому-нибудь пройдохе присесть ему на уши, и он запросто может снова взять в жёны кого-то наподобие его самого... Хотя, стоп. Какую бы женщину генерал ни выбрал в будущем, она по определению окажется в сто крат лучше, чем он.

С самого начала и до этого момента Шэнь Цинжань больше не сделал ни единого шага в сторону жилых комнат. На нём была чистая, опрятная одежда, а в карманах — ни единой медной монетки.

Снова ступив на горную тропу, Шэнь Цинжань угрюмо настраивал себя: «Даже если мне суждено сдохнуть, я подохну там, в большом мире, уйдя как можно дальше отсюда. Иначе, если дня через три деревенские обнаружат, что сбежавшая жёнка Сюэ Фэйфэна бесславно окочурилась от голода прямо у обочины дороги, это же будет позор на веки вечные!»

Пока он принимал это решение, в его душе царила безрассудная и слепая отвага. Но стоило ему по-настоящему удалиться от дома, как внутри у Шэнь Цинжаня похолодело от подступающего страха.

Неужели ему и впрямь суждено в точности повторить трагический финал оригинального романа и умереть от голодной смерти?

Вдоль дороги, прямо на влажных и тенистых корнях вековых деревьев, весело кучковались пышные шляпки грибов. Шэнь Цинжань бросил на них мимолётный взгляд, и его пробил крупный озноб.

Главное — даже под страхом голодной смерти не прикасаться к грибам! При таком раскладе он вполне сможет продержаться до тех пор, пока... пока не научится профессионально просить милостыню, верно?

...

Тем временем Сюэ Фэйфэн усердно подбрасывал дрова в очаг. Когда обед был уже практически готов, он внезапно поймал себя на мысли, что в доме царит какая-то неестественная, звенящая тишина.

Шэнь Цинжань была немой, и когда они находились в разных комнатах, в жилище всегда было тихо. Но сейчас вокруг не слышалось даже привычного шуршания шагов или тихих вздохов... Сердце генерала пропустило удар, и он с глухим треском переломил в руках толстую еловую ветку толщиной с хорошее запястье.

Всё то странное, гнетущее чувство неправильности, преследовавшее его весь день, наконец-то обрело чёткие контуры. Сюэ Фэйфэн перечитал оставленную записку трижды. Скупые строчки короткого послания весили сейчас больше тысячи цзиней. Мужчина до боли в глазах пытался разглядеть в этих иероглифах хоть какой-то скрытый, завуалированный смысл.

Пальцы, сжимавшие лист бумаги, побелели от колоссального напряжения, на тыльной стороне ладони вздулись толстые синие вены. Бумага под его пальцами начала медленно покрываться мелкой сеточкой трещин, пока наконец не превратилась в невесомую серую пыль.

Шэнь Цинжань... сбежала?

Шэнь Цинжань, носящая под сердцем чужое дитя, вот так просто взяла и сбежала от него?

Стоило ей один-единственный раз выбраться в город, как у нее начисто пропало желание возвращаться в эту глушь?

Мужчина в полном бессилии отшвырнул в сторону костыли. Если такова была истинная воля Шэнь Цинжань, то какой смысл бросаться в погоню? Девушка прожила в его доме от силы меньше месяца, но уже сейчас была твёрдо уверена в своей беременности. Если открутить время назад, то этот ребёнок уж точно не имел никакого отношения к местным деревенским оборванцам из Лицзяцунь... Сюэ Фэйфэн невольно пришёл к горькому выводу, что Шэнь Цинжань попросту поспешила обратно в город, дабы отыскать...

Генерал судорожно закрыл глаза.

Он зашёл в комнату, бросил взгляд на нетронутые дорожные узелки и сиротливо стоящее в углу инвалидное кресло. В этот миг его словно мощным разрядом молнии ударило в темя, начисто вернув способность трезво мыслить. Схватив костыли, он пулей вылетел за порог дома.

Шэнь Цинжань ушла абсолютно с пустыми руками.

Эта трусишка, которая по ночам до смерти боится волчьего воя и завываний ветра, а днём делает привал через каждые три шага — на что она рассчитывала, пытаясь в одиночку преодолеть эти дикие перевалы?

Сюэ Фэйфэн не стал спускаться на общую деревенскую дорогу, опасаясь, что случайные прохожие увидят его стремительный бег и его легенде о парализованных ногах придёт конец. Он в несколько мощных прыжков взлетел на горный склон и помчался сквозь чащу с невероятной скоростью. На ходу прикинув примерную скорость шага Шэнь Цинжаня и высчитав расстояние, он в нужном месте бесшумным затычным прыжком спустился прямо на извилистую тропу, начав преследование по всем правилам.

Где-то аккурат между местом приземления Сюэ Фэйфэна и большой дорогой Лицзяцунь, Шэнь Цинжань сидел на придорожном валуне, чьи ходовые качества и физическая выносливость были генералом самым безжалостным образом переоценены.

Он попросту выбился из сил.

Ужасно устал.

Если бы Сюэ Фэйфэн прямо сейчас соизволил примчаться за ним в погоню, парень, позабыв о всякой гордости и чувстве собственного достоинства, за один-единственный глоток чистой воды с радостью и виляя хвостом поплёлся бы за ним обратно.

Сюэ Фэйфэн на полной скорости отмахал добрых два ли, но на тропе не было видно даже намёка на свежие следы Шэнь Цинжань. В его голове одна за другой начали вспыхивать самые жуткие и леденящие кровь догадки. Генерал вовремя подавил подступающую ярость, не позволив эмоциям взять верх над холодным разумом, и заставил себя трезво проанализировать ситуацию.

Эта дура по всем законам логики должно быть находиться далеко позади него.

Сюэ Фэйфэн с мрачным лицом развернулся и зашагал в обратном направлении. Спустя совсем немного времени среди густых зарослей деревьев наконец-то показался знакомый, прихрамывающий силуэт в белоснежных одеждах.

Шэнь Цинжань поднял голову. Опираясь на грубо сломанный бамбуковый посох, он тяжело и прерывисто дышал. Его губы полностью пересохли и покрылись мелкими трещинками, а со лба крупными каплями катился пот.

Эта чертова дорога что, обладает способностью растягиваться во все стороны по собственному желанию?! Когда они возвращались вместе с Сюэ Фэйфэном, он и близко так не уставал!

— Шэнь Цинжань!

Резкий, леденящий душу голос, безжалостно назвавший его по имени и фамилии, внезапно прогремел у него за самой спиной.

Парень всем телом вздрогнул от неожиданности, и его колени едва не подогнулись от ужаса.

«Вот же блин!»

— Ты ведь обещала мне, что отныне больше никогда не станешь покидать деревню в одиночку,
— Сюэ Фэйфэн ни словом не обмолвился о его глупой попытке побега, лишь выставив против него эту некогда данную клятву.

Шэнь Цинжань крепко поджал губы, а в его глазах заблестели крупные, дрожащие слёзы. Яркая краснота заплаканных глаз резко выделялась на фоне его белоснежной, как первый снег, кожи, а сами веки от бесконечных слёз опухли так сильно, что стали похожи на два спелых персика.

Да если бы его воля, он бы в жизнь не пошёл по этой дороге один!

Этот путь был таким нескончаемо долгим, мрачным, а в траве то и дело копошились целые полчища мерзких змей и насекомых. К тому же со склонов то и дело с грохотом скатывались булыжники — тётушка Чжан как-то рассказывала, что это верный признак того, что где-то неподалёку рыщут дикие кабаны.

Не говоря уже о том, что он совершенно без понятия, куда ему вообще податься в этом чужом мире.

Сюэ Фэйфэн медленно приблизился к нему и мёртвой хваткой сжал его ладонь в своей руке:

— Если ты сбежала из-за того, что утром я вёл себя неподобающе и грубо, я ещё раз приношу тебе свои глубочайшие извинения. Пожалуйста, не уходи одна. Если тебя по дороге растерзают дикие волки, где мне, калеке, потом искать себе новую жену?

Шэнь Цинжань горько вздохнул и беззвучно вывел губами: «Но я ведь только тяну тебя на дно и делюсь с тобой своими проблемами».

— Да я бы за счастье счёл оберегать и лелеять тебя, словно высокородную императорскую наложницу во дворце, чтобы ты в жизни ни единой грязной работы не касалась! Дело вовсе не в тебе, это я — бестолковый и некудышный муж, раз не могу обеспечить тебе достойную жизнь.

Шэнь Цинжань от удивления широко распахнул глаза и не на шутку перепугался, лихорадочно зашевелив губами: «Ты что, бунт поднять вздумал?! Даже не думай об этом, тебе ни за что не одолеть Наследного принца!»

Во время своего недавнего похода в город он краем уха слышал последние новости: императорский двор трусливо бежал на юг и всюю изображал из себя покорных слуг, а всеми войсками, сдерживающими натиск врага на севере, сейчас единолично командует Наследный принц.

Сюэ Фэйфэн лишь презрительно усмехнулся про себя. Кто сказал, что не одолеть?

Его изрядно позабавило то, как легко и непринужденно мысли его «супруги» умудрились перескочить на тему государственной измены, но углубляться в расспросы он не стал.

В конце концов, это были сущие пустяки.

— Ну так что, мы всё ещё уходим? — Сюэ Фэйфэн с мягкой, но непреклонной силой развернул Шэнь Цинжаня в обратную сторону. — Если тебе так сильно опостылел этот Лицзяцунь, мы просто соберём вещи и переедем в любое другое место.

Его собственные подчинённые по очереди разбивали лбы, умоляя генерала сменить ставку и перебраться в более безопасный район, но Сюэ Фэйфэн стоял насмерть и отказывался двигаться с места. Но стоило Шэнь Цинжаню уйти в бега, как мужчина тут же принялся лихорадочно копаться в себе, размышляя, не слишком ли паршивые условия он создал для своей половинки.

Шэнь Цинжань во все глаза смотрел на Сюэ Фэйфэна, и стоило ему моргнуть, как из глаз сплошным потоком хлынули новые слёзы.

— Сама же сбежала, а теперь ещё и обиженный себя выставляешь, — негромко проворчал Сюэ Фэйфэн и, согнув указательный палец, принялся бережно стирать слезинки с его лица.

Грушевидная, покрытая жёсткими мозолями подушечка пальца прошла по невероятно нежной и чувствительной коже вокруг глаз, мгновенно оставив после себя яркие пунцовые разводы.

От этого парень стал выглядеть ещё более несчастным и беззащитным.

— Возвращаемся домой, — мягко пожурил его Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань не двинулся с места.

— М-м?

— Пить... — Шэнь Цинжань смешно шмыгнул носом и беззвучно зашевелил сухими губами.

Высоко в небесах, раскинувшихся бескрайней лазурью, лениво парил одинокий горный орёл.

На пустынной, безмолвной тропе стоял прекрасный юноша с точеным личиком и заостренным подбородком. Он то и дело облизывал пересохшие губы и с нескрываемой обидой, словно капризный ребёнок, безмолвно вымаливал у мужчины хотя бы глоток воды.

Генерал уходил из дома в такой спешке, что, разумеется, позабыл прихватить с собой дорожную флягу.

Взгляд Сюэ Фэйфэна в одно мгновение потемнел и стал хищным. Внезапно он крепко обхватил пальцами подбородок Шэнь Цинжана и резко наклонился к его лицу.

Он принялся с неистовой, почти яростной жадностью кусать и вылизывать эти иссушенные губы, пока те не стали абсолютно влажными и блестящими, а во рту парня не скопилась сладкая, живительная влага.

— Всё ещё хочешь пить? — хриплым, надсадным голосом спросил Сюэ Фэйфэн.

Его взгляд сейчас напоминал глаза голодного волка, а хватка, удерживающая подбородок парня, была недвижимой и сокрушительной, словно величие горы Тайшань — попавшая в его капкан добыча не имела ни единого шанса шевельнуться или издать хотя бы жалобный стон.

<http://bllate.org/book/17933/1731763>